

Л.В. Кушнина

Пермский национальный исследовательский политехнический университет

ПЕРЕВОДОВЕДЧЕСКИЙ ДИСКУРС В РОССИИ: ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Статья посвящена ретроспективному обзору взглядов на перевод, отражающих основные этапы становления отечественного переводоведческого дискурса, начиная с работ советской школы перевода в середине прошлого века и заканчивая современными моделями и концепциями, которые в совокупности создают систему перевода, находящуюся в постоянном развитии и совершенствовании.

Ключевые слова: *переводоведческий дискурс, этапы развития теории перевода; переводческое пространство.*

Современная дискурсивная парадигма проникает во все сферы профессиональной коммуникации. Не является исключением и переводоведение, что послужило основанием переосмысления переводоведческого дискурса. В работе мы трактуем переводоведческий дискурс в широком смысле как совокупность переводоведческой теории и практики, в узком смысле – как особую разновидность профессионального дискурса, организуемого переводчиком – медиатором межъязыкового и межкультурного взаимодействия коммуникантов, принадлежащих различным лингвокультурам.

Переводоведческий дискурс интенсивно развивается в последние годы: с одной стороны, вбирает в себя лучшие достижения классического переводоведения, с другой стороны – под влиянием современных междисциплинарных исследований приобретает новые черты.

Какие традиции заложило отечественное переводоведение в мировой переводоведческий дискурс?

Каковы основные направления развития современной теории перевода в нашей стране?

Где грань между переводческим мастерством как искусством и переводческим мастерством как наукой?

Ответы на эти вопросы составляют содержание настоящей статьи. Разумеется, мы не претендуем на полное освещение поставленных проблем. Свою задачу мы видим в осознании феномена «переводоведческий дискурс» сквозь призму некоторых традиционных и современных исследований в данной области.

Начнем с замечания одного из классиков теории перевода Л.С. Бархударова, который опирался в своих рассуждениях на Ю. Найду: «Всегда следует помнить о том, что перевод – это нечто гораздо большее, чем наука. Это

также умение, а вполне качественный перевод, в конечном счете, всегда является искусством» [1, с. 236].

Вероятно, все сложности переводоведения объясняются тем, что оно органично вбирает в себя науку и искусство перевода. Иными словами, переводоведческий дискурс многоаспектен. Он включает в себя прежде всего искусствоведческий дискурс, что до сих пор не являлось предметом специального рассмотрения. Он включает и многие другие дискурсы в зависимости от цели перевода. Так, если мы переводим научный текст, нам необходимо знание закономерностей научного дискурса, при переводе художественного текста анализу подлежит художественный дискурс и т.д. Вместе с тем многоаспектная природа перевода обуславливает многосторонность развития теории перевода, которая оказывается на перекрестке многих наук, вбирая в себя их достижения и приобретая при этом новый статус среди других гуманитарных наук.

Можно условно выделить три периода в развитии современного отечественного переводоведения. Первый период связан с работами основателя советской школы перевода А.В. Федорова [2] и относится к 50–60-м годам XX века. Многие идеи великого ученого до сих пор актуальны, а некоторые его мысли ждут своего подтверждения. В связи с тем, что в тот период переводческая теория строилась преимущественно на изучении закономерностей художественного перевода, ученый выдвинул концепцию полноценности перевода применительно к данному типу текста, а именно – речь шла о «полноценной передаче содержания функционально адекватными средствами», что являлось основанием эквивалентного перевода. Исходя из положения о том, что предназначение художественного текста состоит в эстетической функции, А.В. Федоров сформулировал объективные закономерности достижения полноценности перевода. Эстетическая функция текста перевода могла быть выполнена при условии выбора соответствующих языковых средств оформления художественных образов.

Традиции применения концепции полноценности перевода были продолжены в трудах И.С. Алексеевой, утверждающей, что современный уровень развития филологии позволяет обогатить ее, «рассматривая художественный текст не только как образное единство, но и как систему взаимодействующих текстовых конституэнтов» [3, с. 9]. Автор разрабатывает четыре этапа переводческого анализа художественного текста: предпереводческий анализ, аналитический вариативный поиск, анализ результатов выполненного перевода, сопоставление полученного текста с готовым опубликованным переводом. Четвертый этап соотносится с объективными основами критики перевода. И.С. Алексеева приходит к выводу о том, что концепция полноценности перевода «представляет собой не только исторический этап теоретических обобщений, но и важный инструмент обучения и практики» [3, с. 11].

Второй период – 70–80-е годы XX века – можно охарактеризовать как расцвет советской школы перевода благодаря трудам выдающихся ученых, без которых немыслимо современное переводоведение: Л.С. Бархударов, В.Н. Комиссаров, Л.К. Латышев, Я.И. Рецкер, А.Д. Швейцер, Р.К. Миньяр-Белоручев, Г.М. Стрелковский, В.Г. Гак и др. Теория перевода строилась преимущественно на художественных текстах и касалась в основном проблем письменного перевода. В работах ученых был сформулирован предмет теории перевода, изложена сущность перевода как процесса межъязыковой трансформации, описаны виды перевода и место теории перевода среди других дисциплин, выявлены типы переводческих трансформаций, поставлена проблема единицы перевода. Признавая перевод многосторонним и многоаспектным видом человеческой деятельности, Л.С. Бархударов акцентировал внимание на лингвистической теории перевода, отмечая, что существует и литературоведческая теория перевода. Но общая тенденция развития переводоведения состояла в том, что «центральной и основной частью переводоведения является лингвистическая теория перевода, вокруг которой группируются другие направления в изучении перевода – литературоведческое, психологическое, кибернетико-математическое и пр.» [1, с. 45]. Работы этого периода отличаются глубоким филологическим анализом текстов оригинала и перевода, выявлением закономерностей общей теории перевода, обращением к проблемам частной теории перевода.

В конце прошлого и начале нынешнего века, когда на смену изоляции отечественных ученых в области перевода пришло сотрудничество с зарубежными коллегами, когда культурные барьеры между исследователями постепенно преодолеваются, появляются новые воззрения на переводческую деятельность, а вместе с ними – новые концепции. Современное переводоведение, которое мы условно определяем как третий этап, строится на результатах научных достижений таких отечественных ученых, как И.С. Алексеева, Л.М. Алексеева, Е.В. Аликина, О.А. Бурукина, Н.Л. Галеева, А.Н. Злобин, Н.К. Гарбовский, В.Е. Горшкова, Г.В. Денисова, Т.А. Казакова, И.Э.Клюканов, Л.В. Кушнина, В.В. Сдобников, Ю.А. Сорокин, Е.Р. Поршнева, Т.С. Серова, В.Д. Табанаква, А.П. Чужакин и др.

Современный переводоведческий дискурс многолик и многоаспектен. С одной стороны, в нем присутствуют устоявшиеся традиции, парадигмы, модели, подходы. С другой стороны, набирает силу новая философия перевода, где лингвистический антропоцентризм проникает в переводческий, и встает проблема элитарной речевой личности переводчика, генерирующего в себе черты первичной и вторичной языковой личности.

Отличительной особенностью современного российского переводоведческого дискурса является тот факт, что его развитие осуществляется не только в столичных университетах, но и в периферийных вузах, результаты

исследований которых недостаточно известны в научной среде. В связи с этим представляется уместным кратко осветить некоторые концепции. Мы обратились к монографии Л.М. Алексеевой и Н.В. Шутековой «Типология перевода» (Пермь, 2012), посвященной исследованию проблем перевода в аспекте типологии текста и вида деятельности. Ученые анализируют специфические особенности двух типов перевода: научного и поэтического. Нас заинтересовала также монография А.Н. Злобина «Перевод в когнитивном формате» (Саранск, 2012), где автор предлагает когнитивную стратификацию перевода. Мы завершим обзор изложением собственной концепции, которая получила название «Теория гармонизации переводческого пространства», которую мы определяем как синергетическую модель процесса перевода.

В цитированной выше работе Л.М. Алексеевой и Н.В. Шутековой представлено описание переводческой деятельности в зависимости от типа переводимого текста и систематизированы взгляды на перевод поэтического и научного типов текста. Авторы особо отмечают, что в тексте перевода содержатся компоненты, не выводимые непосредственно из языка, в связи с чем они подвергают критике лингвистическую теорию перевода, которая акцентировала внимание на «трансляции сугубо языкового значения, независимо от типа текста» [3, с. 10]. Ученые приходят к выводу, что перевод невозможно рассматривать как единый процесс: «он является четко дифференцированным и расщепленным на отдельные направления видов деятельности» [3, с. 16]. Авторы убедительно показывают, что, если научный перевод напрямую зависит от научного текста, репрезентирующего знание, то трансляция переводчиком научного знания становится важнейшим фактором перевода. Придавая особую роль переводящей личности, ученые подчеркивают, что настоящий перевод начинается с того момента, когда переводчик осознает природу текста, который он переводит. Авторы справедливо замечают, что в ситуации перевода научного текста сам переводчик является неспециалистом, в результате чего перевод специального текста объективно оказывается ущербным. Это создает трудности перевода. Проблеме их преодоления посвящена настоящая работа.

Работа А.Н. Злобина представляет собой результат осмысления процесса развития переводческой мысли в России, что привело к формированию понимания перевода как многостороннего и многоаспектного знания, аккумулирующего проблемы многих научных дисциплин. Автор справедливо полагает, что переводческая деятельность представляет собой познавательный процесс, поэтому выявление его закономерностей становится возможным с опорой на когнитивные структуры: мыслительные образы, схемы, фреймы, сценарии. В связи с этим ученый пытается построить трансляционную теорию фреймов, «в рамках которой процесс перевода получает системное (структурное и функциональное) определение, а фрейм выступает как инст-

румент форматирования перевода» [4, с. 62]. Как отмечает автор, когнитивный подход позволил ему перейти к когнитивному изучению мыслительных переводческих операций, выявлению того ментально-лингвального комплекса, который стоит за деятельностью переводчика. Таким образом, рассматривая концепт «перевод» с позиций теории фреймов, выстраивая схему трансляционного фрейма, ученый обосновывает новый подход к переводоведческому дискурсу, позволяя вскрыть его существенные стороны.

Как видим, в той и другой концепции роль переводящей личности становится доминантной при изучении перевода.

В своих работах мы также уделяем значительное внимание личности переводчика, выдвигая предположение о том, что переводчик, обладающий гармоничным переводческим мировоззрением, владеющий соответствующими компетенциями, может выступать элитарной языковой личностью. Создавая модель процесса перевода, мы основываемся на синергетической идеологии, предполагая, что, приступая к переводу, переводчик создает в своем сознании так называемое переводческое пространство, где происходит «жизнь смысла»: его восприятие, понимание, выражение. Мы представляем переводческое пространство как полевую структуру нелинейной конфигурации, включающую в себя следующие поля: поле автора, поле переводчика, поле реципиента, содержательное поле, энергетическое поле, фатическое поле (поле культуры). Каждое поле переводческого пространства порождает свой смысл, а в поле переводчика происходит его синергия, т.е. результат перевода – это не сумма смыслов всех его полей, но их синергия, в результате чего в тексте перевода происходит рождение нового смысла, гармоничного исходному, но не равного ему. Особое значение мы придаем фатическому полю, освоение смыслов которого осуществляется переводчиком в процессе постижения им родной и иноязычной культур через интертекст. В фатическом поле происходит лингвокультурная адаптация текста, благодаря которой текст становится достоянием другого языка и другой культуры, развивая и обогащая ее [5, 6].

Развивая мысли основателя отечественного переводоведения А.В. Федорова об отсутствии критерия для оценки правильности перевода, о неопределенности, допускающей колебание оценок, о переводческой индивидуальности, о позитивности переводческих нарушений, о необходимости соблюдения равновесия национальных особенностей языков и культур при переводе, мы пришли к выводу, что адекватность и эквивалентность не покрывают всю гамму отношений между текстами оригинала и перевода. Мы обосновали систему критериев перевода, включающую, наряду с адекватностью и эквивалентностью, гармонию как критерий качественного перевода и дисгармонию как критерий квазиперевода, иными словами, как проявление переводческой ошибки или несоответствия. Гармоничным мы признаем такой текст

перевода, смыслы которого соразмерны, гармоничны смыслам текста оригинала, при этом сущностным свойством перевода становятся асимметричные соответствия между текстами. Подвижное равновесие между исходным и производным текстами, о котором писал А.В. Федоров, в нашей концепции означает достижение переводческой гармонии.

Проиллюстрируем проявление адекватности, эквивалентности и гармоничности при переводе фрагмента текста с французского языка на русский. В качестве оригинала мы использовали текст М. Пруста «В поисках утраченного времени», переводы выполнены в 1992 и в 2008 г.

Проанализируем следующий фрагмент оригинала.

C'est minuit; on vient d'éteindre le gaz; le dernier domestique est parti, et il faudra rester toute la nuit à souffrir sans remède.

В случае адекватного перевода сочетания *souffrir sans remède*, который мы трактуем как точное словарное соответствие, переводчик избрал бы вариант «страдать без лекарства».

Первый переводчик выполнил эквивалентный перевод, понимаемый нами как выполнение возможных межъязыковых переводческих трансформаций:

Это – полночь; потушили газ; ушел последний слуга – значит придется мучиться всю ночь. Прочитированное выше сочетание переведено как *мучиться всю ночь*.

Второй переводчик осуществил гармоничный перевод, т.е. наряду со словарными соответствиями и межъязыковыми трансформациями переводчик выполнил межкультурные преобразования.

Полночь; только что погасили газ, ушел последний слуга, и всю ночь придется терпеть, и нет спасения.

Переводчик избирает следующий вариант перевода данного сочетания: *и нет спасения*. Эти преобразования, представляющие собой культурную адаптацию текста, совершаются в фатическом поле переводческого пространства. Переводчик находит в русской культуре экспрессивное выражение, что позволяет передать душевные муки страдающего бессонницей человека. Смысловая гармония, переданная переводчиком, позволяет русскому читателю воспринимать текст перевода столь же естественно, как оригинал.

Подводя итог, подчеркнем, что в данной статье мы попытались представить переводоведческий дискурс в России, акцентируя внимание на том, что современные концепции перевода, с одной стороны, сохраняют традиции, заложенные классиками отечественного переводоведения, с другой стороны – содержат новые идеи, что в совокупности дает представление о сложной многоаспектной, междисциплинарной, находящейся в постоянном развитии и совершенствовании системе перевода.

Признавая значимость достижений в сфере переводоведческого дискурса, мы отдаем себе отчет в том, что многие проблемы ждут своего решения. К их числу мы относим поиск критериев качественного перевода, категорию оценки при переводе, проблему субъекта переводческой оценки (кто оценивает качество перевода: автор, читатель, переводчик, исследователь) и другие.

Список литературы

1. Бархударов Л.С. Язык и перевод. Вопросы общей и частной теории перевода. – 4-е изд. – М., 2013. – 240 с.
2. Федоров А.В. О художественном переводе. Работы 1920–1940-х годов. – СПб, 2006. – 256 с.
3. Алексеева Л.М., Шутемова Н.В. Типология перевода: монография. – Пермь, 2012. – 198 с.
4. Злобин А.Н. Перевод в когнитивном формате: монография. – Саранск, 2012. – 152 с.
5. Кушнина Л.В. Теория гармонизации: опыт когнитивного анализа переводческого пространства: монография. – Пермь, 2009. – 196 с.
6. Кушнина Л.В. Экосистема перевода как проявление синергии смыслов взаимодействующих культур // Экология языка на перекрестке наук: материалы 2-й междунар. науч. конф. – Ч. 1. – Тюмень, 2012. – С. 16–21.

Получено 20.03.2013

L.V. Kushnina

TRANSLATION AND INTERPRETATION STUDIES DISCOURSE IN RUSSIA: TRADITIONS AND CONTEMPORANEITY

The article is devoted to a retrospective overview of opinions on interpretation/translation, reflecting the main formation stages of Russian national translation and interpretation studies discourse, starting with the Soviet Union school works dated to the second half of the last century up to modern models and conceptions, which together create the constantly developing and improving interpretation/translation system.

Keywords: interpretation/translation discourse, stages in translation/interpretation studies development, translation space.